

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

*Исполнилось 70 лет
Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову –
академику РАН,
директору Института философии РАН,
заведующему кафедрой этики
МГУ им. М.В. Ломоносова.*

Книги и статьи А.А. Гусейнова всегда являются событиями, без них уже невозможно себе представить и понять ни российскую этику, ни философию. Многие понятия, составляющие каркас современной российской этической мысли, являются его авторскими теоретическими понятиями или именно им впервые проанализированы (например, золотое правило нравственности, сослагательность морали, негативный поступок, негативная этика и многие другие). То, что и самые значительные фигуры истории философии, и авторы жизнеучений от древности до наших дней живым образом включены в современные философско-этические дискурсы – заслуга Абдусалама Абдулкеримовича. Способность быть внимательным и к текстам и к людям, понимать их, вставлять на их позицию при поиске аргументации, парадоксальным образом привели к формированию совершенно индивидуального, неповторимого стиля мышления, удивительного по глубине и убедительности. А стремление к ясности и простоте выражения мысли, основанной на ее додуманности, определило как силу идей, так и их открытость для критики.

Подобно тому, как настоящего художника можно узнать по нескольким мазкам, композитора – по нескольким тактам, интонации – стиль мышления, взгляд на мир и отношение к людям – А.А. Гусейнова прочитываются даже в небольших отрывках из его статей, книг и бесед. Которые мы и предлагаем ниже.

ИЗБРАННОЕ

«Философия вся нацелена на этику: вырабатывает каноны разума и постигает законы природы для того, чтобы выработать программу достойного способа существования... Этика выступает как та форма, в которой философский разум обретает действенность, становится жизнеутверждающей силой, непосредственно переходит в практику».

Гусейнов А.А. Прикладная этика – разве она сама не является практикой? // Ведомости ЦНИИПЭ. Вып. 32: Прикладная этика: «КПД практичности»/ Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: ЦНИИПЭ, 2008. – С. 124 – 135.

«...человек перспективен, он обречен на то, чтобы расти; нельзя сказать, что есть человек, не ответив предварительно на вопрос, чего он хочет, куда он растёт – вверх, вкось, обратно вниз. Именно потому, что человек не оформлен, не закончен, сам делает себя, философия есть философия ценностей. Не в том смысле, разумеется, что она познаёт ценности, как это было истолковано во многих аксиологических теориях XX века, а в том смысле, что она утверждает определенный строй ценностей. Философия предлагает, возвращаясь еще раз к словам Ницше, «табель о ценностных рангах».

Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. – М.: Вече, 2009. – С. 261.

«Проблема в том, что человек не может жить и развиваться, не строя утопии. Человек находится в пространстве целесообразной деятельности. Это значит, что, когда он действует, он обязательно ставит перед собой какие-то цели. Одна цель связана с другой, и в конце концов обязательно высвечивается конечная, последняя цель, которая замыкает все это пространство. Если вы не постулируете какую-либо цель, ради которой существуют все последующие цели, то у вас не выстроится вся картина целесообразного поведения. Философия и этика в составе философии предназначены для того, чтобы обозначить вот эту предельную основу, в рамках которой человек, как целесообразное существо, развивает свои возможности и свою деятельность. И в этом смысле философия – это утопия культуры».

В жизни общества всего дороже честь и правда.
Интервью «Экономической и философской газете». 2008. № 51.

«Основания морали также бесосновны, как и основания философии. Моралист имеет столько же прав сказать «не убий», сколько и философ, когда он сообщает нам, что природа есть субстанция. Стремление избежать этического нормативизма и сопряженной с ним позиции демагогии порой проявляется в желании уйти из этики в философию. При этом исходят из того, что в выборе философии Вы вольны, свободны, по крайней мере, намного более вольны и свободны, чем в выборе моральной доктрины. Общество, окружающие менее «озабочены» вашими философскими предпочтениями, чем вашими моральными решениями. Психологически такая позиция понятна, но в качестве теоретической она может быть оспорена.

Этика и философия, если о них вообще можно говорить раздельно, связаны друг с другом, а именно: перетекают друг в друга. Этику, конечно, можно выводить из гносеологии, сводить к ней, чем большинство философов и занималось. Но именно здесь заключена едва ли не основная причина этического догматизма и того кардинального, для морали губительного факта, что этика не могла развернуться в этику поступков. Но можно же и гносеологию выводить из этики. Ведь сама оппозиция истины и заблуждения, на которой держится вся гносеология, имеет также и этический статус. Когда истина именуется истиной, то имеется в виду не только то, что она есть нечто объективное в своем содержании, но также и то, что она есть нечто, к чему следует стремиться. Хочу напомнить: Парменид, который заковал различие бытия и небытия, истины и заблуждения в формы, составившие базис европейской философии, сделал это, отвечая на вопрос юноши, искавшего путь правды. И если удастся выводить этику из гносеологии или найти в гносеологии этическое убежище, то происходит это потому, что самой гносеологии предшествует этика, и она в себе в скрытом, снятом виде содержит этику».

Интервью // Философия и этика.

Сборник научных трудов.

К 70-летию академика А.А. Гусейнова. —

М.: Альфа-М, 2009. — С. 25.

«Я не мыслю себе времени, в которое философия была бы «неуместной», а фигура философа «лишней». Нельзя запретить человеку размышлять, когда и где бы то ни было. Философия — это, собственно, и есть свободная деятельность в чистом виде, и она не зависит ни от чего, кроме как от самой себя. Принято думать, что время порождает философов. А если вопрос по-другому поставить? Может, наоборот — философия порождает время. К такому пониманию склоняет гегелевская фраза о философии как

об «эпохе, схваченной в мысли». И об эпохе как эпохе мы ничего не знаем, пока она не осмыслена в совокупности всех своих исторических и культурных феноменов, — пока, словом, она не перебродила в котле философской мысли и не отлилась в некие философы».

Гусейнов А.А. Чем философ отличается от просто умного человека? // Философия. Мораль. Политика. — М., 2002. — С. 70.

«Если брать все предшествующие эпохи, то конфликт ценностей разрешался в философии таким образом, что философия уводила людей из запутавшегося в противоречиях, не устраивавшего их действительного мира в царство мысли. Она предлагала некую духовную программу, которая намечала выход и давала людям перспективу. В любом случае философия критиковала действительность с точки зрения принципа, идеала».

Гусейнов А.А. Я профессор по кафедре этики // Дискурс Пи. Научно-практический альманах. Вып. 4. — М., 2005. — С. 111.

«Мне... могут возразить, что здравый смысл повседневности тоже заслуживает уважения. Несомненно. Но он не заслуживает того, чтобы его поднимать на концептуальную высоту».

Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // Логос. 2008. 5 (68). — С. 113.

«Мораль задает мотивы и поступки, которые являются абсолютно недопустимыми, и тем самым как бы очерчивает условный круг, внутри которого только и может состояться «игра» истории, разрешается строить искусственный мир культуры. Мораль не говорит, что и как надо делать внутри этого круга, по каким правилам играть «игру» (в этом случае она подменила бы собой все другие формы культуры или, по меньшей мере, осуществляла бы за ними надзор, к чему, как мы знаем, скатывались иногда теоретизирующие, и еще чаще практикующие моралисты), она говорит только о том, чего не надо делать, чтобы не прекратились сама «игра», история, культура. В отличие от научного, практически-целесообразного взгляда, рассматривающего человеческие действия со стороны порождающих их условий, неизбежных следствий, вероятных отклонений, сопутствующих эффектов и т.п., и обеспечивающего тем самым соответствие целей и средств в рамках материального единства мира, моральный взгляд отвлекается от их природной обусловленности так, как если бы им ничего не

предшествовало и ничего за ними не следовало, и они были бы целью сами по себе, рассматривает и принимает их в качестве свободных поступков. Наличие именно таких бездоказательных поступков является доказательством возвышения целей над средствами, а готовность человека на самом себе испытать сопряженный с ними риск является гарантией того, что это возвышение не выйдет за пределы природных возможностей, вне которых целеполагание теряет свой смысл...

Место морали, откуда она произрастает и где властвует, — в зазоре между целями и средствами, заключающем в себе невероятные возможности и столь же невероятные опасности. Этот зазор есть пространство свободы и риска. Здесь прорывается природная оболочка и происходит чудо превращения естественного существования человека в его историческое развитие. Только там, где цели человека выходят далеко за его природные границы и тем самым становятся нереальными, начинается «авантюра» истории и появляется мораль, назначение которой — быть страховочным механизмом этой авантюры. Мораль ограничивает историческое пространство зазора между целями и средствами таким образом, чтобы свобода не была настолько большой, когда цели могут потерять всякую связь с реальностью, стать пустой фантазией или опасным, разрушительным для человеческой природы сумасбродством, а риск не был настолько малым, когда цели могут раствориться в реальности и потерять свое качество сил, возвышающих человека над ограниченностью природного существования*.

Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение в морали // Вопросы философии. 2001. № 5. — С. 21.

«Устраиваться в обществе и понимать его — разные, даже противоположные виды деятельности. Если для первого нужно быть внутри, жить соответственным интересом, уметь защитить себя, стремиться к лучшей позиции и т.д., то для второго, напротив, требуется вырваться вовне, занять такую независимую позицию, словно ты не член данного общества, а инопланетянин, с любопытством разглядывающий это странное скопление странных существ. Известно, что человек видит то, что он хочет видеть. Научный подход, напротив, состоит в том, чтобы освободить взгляд от этого привходящего и искажающего «хочет», чтобы «хотеть» то, что видишь».

Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии // *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. — М., 2000 (цит по: *Гусейнов А.А.* Философия. Мораль. Политика. — М., 2002. — С. 89).

«Философию нельзя отделить от философа – не в том очевидно абсурдном смысле, что она умирает вместе с философствующим индивидом, или что последний является бессмертным. Есть более глубокий пласт бытия, который открывается в философии, сращен с ней до такой степени, что в известном смысле утверждается ею – пласт, который проживается в философском духе и который иначе как в нем не существует. Это значит, что философию можно понять только как форму жизни, то есть в связи с философом, подразумевая под последним субъекта, который живет в философии и философией. Как это парадоксально ни звучит, но тем не менее можно сказать так: чтобы понять философию, надо примерить ее на себя, представить себя тем субъектом, который проживает эту философию».

Гусейнов А.А. О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию академика Т.И. Ойзермана. М.: КАНОН+, 2004. – С. 89.

«...наше «Я», субъективность, личностное, автономное начало не существует вне этой способности быть принципом, разделяющим хорошее и плохое, порождающим их из себя, вне способности не быть скованным омертвелыми установлениями, которые кто-то когда-то насоздавал. Никто не может учить другого морали, не подвергая сомнению и не дискредитируя при этом самую человеческую способность к моральному бытию...

Можно учить быть моральным, но нельзя учить самой морали. И Вы только тогда по-настоящему учите кого-то быть моральным, когда Вы помогаете ему быть индивидуально-ответственным, быть автономным, в том числе быть автономным от Вашего учительства. Это приблизительно так же, как Вы учите ребенка ходить».

Мораль имморализма. Беседа Дмитрия Фьюче с академиком РАН Абдусаламом Гусейновым // Этическая мысль. Вып. 9. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 14.

«Как этика, замыкающая мораль на абсолюте, может быть практической философией?»

Только так она и может быть практической философией. Делая упор на слове «практическая», мы забываем, что она еще и философия! А философией она становится только в качестве абсолютного предела (основания) поведения. Ведь что искали философы, когда они занимались этикой? Они искали в человеческом поведении ту точку, то начало, где их власть как философов, как ответственно мыслящих людей является безраздельной, бла-

годаря чему они могут наполнять свою жизнедеятельность тем смыслом, который они находят наилучшим. Аристотель искал цель, которая никогда не может стать средством. Зенон — некую абсолютную грань между добродетелью и грехом. Спиноза искал *causa sui* человеческого поведения. Кант искал добро, которое является добром без ограничения. Были еще, конечно, и скептики, которые отрицают идею морального абсолютизма. Но сейчас не о них речь. Хотя следует заметить: они от древних софистов до современных деконструктивистов столь последовательны в своем этическом релятивизме, что последний сам в известном смысле выглядит в качестве превращенной формы абсолютизма. Их этическую позицию философской делает не релятивизм, которого придерживается любой морализирующий проходимец, а особая его дерзость, тот факт, что они доводят свой релятивизм до шокирующего благоразумных граждан предела. Они просто, если можно так выразиться, дробят моральные абсолюты на бесконечное множество мелких кусков.

Действительная проблема заключается в том, что абсолютное не умещается ни в слове, ни тем более в действии. О морали, как и о религии, нельзя говорить, о них надо молчать — так считал Л. Витгенштейн. Неслучайно наиболее последовательные сторонники морального абсолютизма загоняли его в невыразимую глубину душевного строя личности. Первое, что приходит в голову — внутренняя стойкость стоиков, добрая воля Канта. Но и в этом случае философы сталкивались с непреодолимыми трудностями, когда пытались не то, чтобы зафиксировать практически, но хотя бы дать себе отчет в адекватном моральном настрое. Как отличить невозмутимость стойка от хладнокровного злодея? Как отличить действие, которое является долгом по случаю, от действия, которое свершается ради долга? Ответы, которые мы находим на эти вопросы у создателей великих учений ставили и ставят в тупик многих исследователей.

Для того чтобы бросить взгляд на мораль в ее абсолютной чистоте, выявить ее из непроглядной тьмы страстей, интересов, разумных и неразумных желаний, философы вынуждены были конструировать сверхординарные ситуации, выходящие за рамки всех приемлемых канонов человеческого поведения. Мы узнаем, что стоический мудрец способен сохранять внутреннее спокойствие, даже если ему придется есть человеческое мясо или он станет свидетелем всемирного пожара — в ситуациях, в которых потеряет хладнокровие самый хладнокровный злодей. Кант придумал торговца, ведущего честную торговлю, которая ему в убыток из-за его честности. (Это, конечно, не страшилки стоиков, но стоит только вообразить торговца, который выставляет свой товар не с

лучшей стороны, а, напротив, охотно демонстрирует его недостатки, и, скажем, на вопрос, а не прокиснет ли продаваемое им молоко, отвечает, что оно уже прокисло, стоит себе не в шутку, а всерьез представить такую картину, чтобы убедиться, что она еще менее вероятна, чем всемирный пожар. Кстати заметить, известный пример из трактата «О мнимом праве лгать из человеколюбия», вокруг которого в секторе этики в последнее время разгорелись споры, — из того же рода.) Делать на основании этого выводы будто стоики оправдывали каннибализм, а Кант — культивировал бесчувственный ригоризм, значит вообще не понимать, о чем идет речь. И такого рода непонимания, кажется, постоянно сопровождают эти учения. Самый показательный пример — известная эпиграмма Шиллера «Ближним охотно служу...».

У Парменида есть суждение: «Отрицательные определения подобают началам и границам». Оно в полной мере относится и к моральным абсолютам, которые суть начала и граница человеческого поведения. Внимательно вчитавшись и вдумавшись в нормативные программы тех же стихов и Канта, мы обнаруживаем: они по сути дела описывают абсолютную мораль через отрицательные определения. По-другому этого сделать просто невозможно. Я считаю, что нужно принять и отнестись со всей серьезностью к тому, что абсолютное не умещается ни в слова, ни в действия. Отсюда — идея негативной этики. Ее основоположение, если можно так выразиться, состоит в следующем: мораль в своей чистоте (абсолютности) обнаруживает себя не в том, что человек делает, а в том, что он не делает из того, что хотел бы делать, и не делает потому, что заранее решил не делать этого. В том, в чем он себе отказывает.

Возвращаясь в вопросу: как абсолютный моральный принцип может стать фактом поведения? Ответ: в форме запрета, только в форме запрета на определенные действия. При этом для меня существенно то, что требование практиковать какие бы то ни было позитивные действия не может (фактически не может) приобрести абсолютного смысла — позитивные действия зависят не только от того, кто действует. А запрет на совершение каких-то действий может иметь абсолютный смысл, поскольку переход желаний в действие осуществляется через посредство сознательной воли и может быть ею заблокирован. Логика рассуждения в данном случае очень простая, проще не бывает: мораль следует искать там и в том, где и в чем власть человека, принимающего решения относительно своих действий, является абсолютной».

Интервью // Философия и этика. Сборник научных трудов.

К 70-летию академика А.А. Гусейнова. —

М.: Альфа-М, 2009. — С. 28 — 30.

«Человек не просто стремится стать другим, выйти за собственные границы, устранить все, что порождает страдания и чувство недовольства; он стремится стать таким другим, который не стремился бы стать другим, которому уже не нужно было бы выходить за собственные границы, который вообще был бы свободен от страданий и сопряженных с ними неприятных ощущений. Человек не просто живет, он хочет еще, чтобы его жизнь имела смысл».

Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители.
Нравственные учения от Моисея до наших дней. —
М.: Вече, 2009 — С. 277.

«Познание человека (в отличие от познания мира) связано с принципиальным ограничением, вытекающим из того обстоятельства, что оно осуществляется самим человеком. Поскольку человек в качестве познающего субъекта познает сам себя, постольку он в этом качестве остается за пределами познания, являясь условием его возможности. Зеркало может отражать все, что предстанет перед ним, но оно не может смотреться само в себя. То свойство человека, в силу которого он остается непроницаемым для познания, образуя брешь во всеобщей причинной связи мира и без наличия которого не могло бы состояться познание познания, принято называть свободой воли. Свобода воли в обычном понимании обозначает индетерминированность человека, непознаваемое основание его сознательной жизни, в том числе и прежде всего способности познания. Она есть символ (знак, обозначение) изначальности человека, его тайны, т.е. того, что не может быть объективировано в форме научного знания».

Гусейнов А.А. Свобода воли и ответственность.
Курс лекций. — Саранск, 2001. — С. 4.

«Личность индивида нельзя идентифицировать чисто эмпирически, хотя у него, разумеется, есть свое тело, имя, местопребывание, родители и другие фиксирующие его единичность признаки. Все это, однако, только внешние знаки, которые обозначают личность, но не выражают ее. Любой признак или совокупность признаков, через которые мы захотели бы идентифицировать индивида, сами в свою очередь приобретают искомый смысл лишь постольку, поскольку они рассматриваются как признаки того, что мы обозначаем как «я». Через свойства «я» нельзя добраться до самого «я», как и вообще через свойства вещи нельзя идентифицировать саму вещь; вещь всегда находится дальше свойств, она есть то, свойствами чего данные свойства являются. Даже тогда, когда «я» говорю о своем «я», я не добираюсь до «я»,

ибо это «я» обладаю способностью говорить о своем «я» и, следовательно, в данном случае также речь идет о некоем свойстве моего «я», но не о нем самом. «Я» можно обозначить, но его нельзя определить. Оно оказывается постоянно ускользающим от определения, а тем самым и от научного познания, истоком сознательно-волевой жизни индивида. Понятием «я» индивид обозначает свою субъективность, состоящую в том, что он является не следствием, а причиной, выступает в мире не в качестве вторичной, ничтожной, страдательной величины, а в качестве демиурга, исходного, активного начала. Идентифицируя себя как «я», индивид утверждает свою самодостаточность, стягивая в единый узел свои переживания, мысли, действия. Человек есть «я», есть личность постольку, поскольку он сознает себя свободным, чувствует, мыслит и поступает соответствующим образом, беря на себя (не перекладывая ни на кого другого) ответственность за свое собственное существование.

Таким образом, свобода ближайшим образом есть свобода воли и в этом качестве она есть категория бытия, а не познания. Применительно к ней вопрос «что?» некорректен и должен быть заменен вопросам «как?» – не «что такое свобода?», а «как быть свободным?» Чтобы понять драматизм данного вопроса, надо иметь в виду его точный смысл: «как быть свободным, без знания того, что это такое?» Вопрос о свободе есть вопрос об ответственном существовании человека».

Гусейнов А.А. Свобода воли и ответственность.
Курс лекций. – Саранск, 2001. – С. 13 – 14.

«Свобода в собственном смысле слова как свобода от причинности находится за пределами человеческого опыта и разума. Само понятие свободы есть понятие, обозначающее этот предел. Поэтому, например, пытаться найти конкретные проявления свободы – это все равно, что пытаться узнать, что находится в пустоте, откуда берется начало, что будет с человеком после смерти и кем он был до рождения, как достичь недостижимых целей и т.п. Если свободу как символ изначальности, самодостаточности и совершенства, как имя Бога, пользуясь еще раз выражением Лютера, считать последней ступенью, вершиной лестницы, по которой поднимается человек, то он, человек, оставаясь человеком, может достичь только предпоследней ступени. Человек может завязать свое бытие на такую причинность, за которой уже нет другой причины, кроме свободы, и которая иначе была бы невозможна, невозможна в том смысле, что была бы просто невысказана, если не предположить, что за ней стоит свобода. Свобода от причинности дана человеку в форме причинности из свободы. Вос-

хождение человека по ступеням ответственности и есть движение по пути к такой причинности».

Гусейнов А.А. Свобода воли и ответственность.
Курс лекций. – Саранск, 2001. – С. 115 – 116.

«Одна из несомненных истин философии истории состоит в том, что история сопряжена с насилием. Насилие, разумеется, не исчерпывает содержания истории и даже не превалирует в нем. Но оно есть и оно является необходимым элементом исторического развития общества. Типичным выражением насилия исторического масштаба являются революции. Может ли это стать аргументом для нравственной санкции насилия в конкретной форме революционного насилия? – У этики принципиально иной взгляд на насилие, чем у политической философии и философии истории. Радикально отрицая насилие, этика не отменяет все прочие – исторические, экономические, политические, психологические, эстетические и иные – аргументы в пользу насилия, она лишь отказывается добавлять к ним и усиливать их еще и моральными аргументами».

Гусейнов А.А. О насилии и ненасилии//
Философия. Мораль. Политика. – М., 2002. – С. 202, 204.

«В настоящее время у человечества нет объединяющей идеи, нет общего морального горизонта. Я думаю, именно ненасилие является такой идеей. Ненасилие есть новая духовно-практическая высота, которую человечество должно взять. Это необходимо и для того, чтобы оно смогло выжить, и для того, чтобы смогло уберечь достижения цивилизации. Этому нет никакой альтернативы».

Гусейнов А.А.: Сегодня в мире нет общих моральных идей:
Интервью // http://inteltech.iatp.by/a_gusseynov.html.

*Составлено Рубеном АПРЕСЯНОМ
и Ольгой ЗУБЕЦ*